

Интервью с Александром Александровичем КОНДАКОВЫМ

«“ЗАПАДНАЯ” АКАДЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦАРИЛА В КЛАССЕ»

Кондаков А. А. — окончил гуманитарный факультет ЛЭТИ (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина), СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (2005 г.) и магистратуру Международного института социологии права в Оньяти (Испания); степень магистра с оценкой Magna cum laude (2011). С 2010 г. — научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, с 2013 г. — ассистент профессора в Европейском университете в Санкт-Петербурге, с 2014 г. — заместитель главного редактора Журнала исследований социальной политики (Высшая школа экономики, Москва).

Основные области научного интереса: социология прав человека, социальное гражданство, сексуальность.

Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

Интервью с Александром Александровичем Кондаковым — второе с представителями седьмой когорты советских / российских социологов. К ним относятся те, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами. Социологи шестого поколения (годы рождения — 1971-1982) родились в последние годы развитого социализма, а свою социологическую карьеру начинали на заре перестройки или уже в новой России, а седьмого — знают СССР лишь по учебникам, рассказам взрослых, из фильмов, художественной литературы. Если для всех социологов первых шести поколений прибалтийские, закавказские страны, южные государства, даже Украина и Белорусия — часть большой Родины, то для седьмого — уже при рождении или вскоре после рождения — все это за граница. Они по своему опыту не знают, что такое КПСС и ВЛКСМ, коммунистическая идеология и социалистическое соревнование, что такое «выездные комиссии». Великая отечественная война удалена от них на четыре десятилетия. Это поколение формировалось совсем в ином мире, чем их родители, не говоря о дедушках и бабушках, у них — иные ценности, они говорят на «другом» русском, слушают другую музыку.

Принимая все сказанное, мы должны признать, что их социология с момента усвоения азов этой науки, иная, чем социология, с которой имели дело не только социологи первого и второго поколений, но даже третьего – пятого, иногда – шестого. Наука стала иной и принципы ее преподавания – иные. Седьмое поколение – не представляет, как можно заниматься наукой без компьютера, без использования электронной почты и Интернета. Уверенное знание английского языка, по крайней мере – чтение научной литературы стало обязательным. Представления большинства о Западноевропейских странах и США базируются не на романах и фильмах, а на собственных коротких или достаточно продолжительных визитах, участиях в летних студенческих школах и семинарах, в совместных международных проектах.

То, что для старших было невозможным, для них – естественно. И что важно, это стало не в следствии какого-то «скачка», но как итог тренда, который возник в первые постперестроечные годы. Безусловно, студенты, обучающиеся в ведущих университетах Москвы и Петербурга, активнее пользуются плодами данного тренда, учащиеся региональных университетов имеют значительно меньшие возможности. Но многие из них включаются в этот тренд в период магистратуры и аспирантуры.

Так, Евдокия Романова, первый из моих респондентов седьмого поколения, в годы обучения в бакалавриате и специалитете Самарского государственного университета год училась по гранту в Миссури, а магистратуру проходит в одном из университетов Техаса.

Александр Кондаков после окончания гуманитарного факультета в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете им. В. И. Ульянова (Ленина) и службы в армии стал учиться по магистерской программе в Международном институте социологии права в Бильбао (Испания). В 2011 году подготовленная им магистерская диссертация была защищена с оценкой *Magna cum laude*.

Нет оснований торопиться с выводами и даже гипотезами, но можно допустить, что российская социология уже второго-третьего десятилетий текущего столетия будет делаться российскими специалистами, обладающими домашним и зарубежным образованием.

А. А. Кондаков: «“Западная” академическая культура царила в классе»

Саша, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, Жан Терентьевич Тощенко раскрыл происхождение своего французского имени, Александр Филиппов рассказал, как возникло имя его отца — Фридрих, долгая история вела к имени Будимир Гвидонович Тукумцев, можно продолжить... Вы не пробовали найти корни Вашей фамилии? Это — география, какая-то профессиональная группа. Что вообще Вы знаете об истории родительской семьи?

После распада СССР тема родословных стала очень популярной и, безусловно, коснулась и моей семьи. Моя мама увлеклась поиском корней, восстановлением «фамильного древа». Она подошла к вопросу социологически — стала опрашивать наиболее старших родственников, бабушку и ее сестру. Результат был для нее плачевным. Правда состоит в том, что я происхожу из семьи рабочих. Мои родители, так же, как и их родители, трудились на заводе на разных трудовых специальностях. При этом женщинам чаще доставались офисные должности, хотя мама какое-то время работала и у станка, а мужчинам — работа в цехах. Город, в котором я родился, Соликамск, окружен заводами: металлургическими, горнодобывающими, военными, химическими. Мои родственники трудились и трудятся, прежде всего, там. Как, наверное, следует ожидать, они не вели родословных и ничего не знали уже о своих бабушках и дедушках. Кажется, они все были крестьянами, проживали в окрестных деревнях, а при советской власти были превращены в пролетариат. Но их память о роде ограничивалась лишь живущими, мертвые родственники забывались, поскольку жизнь диктовала фокус памяти на более насущных вопросах. Возможно, они являлись представителями каких-то локальных народов, проживающих на территории Пермской области, ведь каждый из них приехал в город из очень отдаленных, труднодоступных деревень в уральской глуши. Мои бабушки и дедушки — первые городские жители в семье. Но и эта память была стерта. Считается, что никаких локальных народов в Пермской области нет. Единственное, что нам с мамой удалось установить — это то, что бабушке по папиной линии советовали сохранить ее фамилию, Кондакова, и не брать фамилию мужа. Она так и поступила. В этой истории мне кажется любопытным не ее приверженность этой фамилии, а сама возможность осуществить свою волю для молодой женщины в 1940-е годы. Кажется, уже сегодня для многих это становится немыслимым. Так или иначе, я — человек без родословной, не представляющий даже отдаленно, откуда происходит носимая мной фамилия, неспособный прочувствовать весь непреодолимый романтизм древних родословных. Не поймите меня неправильно: я говорю это без какого-либо сожаления.

Саша, о чем речь? Половина россиян повторит Ваши слова применительно к себе. Что из себя представлял Соликамск в годы Вашей первичной социализации? Вы в школу ходили и кончали ее там?

Да, я ходил в школу в Соликамске. Такие периоды, которые маркировали мои переходы от одного института социализации к другому, обычно сопровождались серьезными структурными изменениями в нашем обществе. Я родился в 1983 году, накануне перестройки. В школу пошел в 1990 году, когда СССР разваливался буквально на глазах. Я помню, что это были очень тяжелые моменты для моего окружения. Мало того, что моим родителям перестали давать путевки на Черное море, так еще и из магазинов исчезли немногочисленные продукты, а те, которые все же остались, выдавали порционно. В продаже всегда были только маринованные арбузы в трехлитровых банках – продукт, который с тех пор я больше нигде никогда не видел. Я перешел из обычной средней школы в местную гуманитарную гимназию в 1998 году, когда случился дефолт. На моей семье он никак не отразился, но все же. А в 2000 году, когда российский трон захватывали силовые структуры, я поступил в вуз в Петербурге. Соликамск в то время представлял собой достаточно странную смесь старого купеческого города XVI века, советского индустриального проекта и поля боя для новых постсоветских «бизнесменов». Как и в любом купеческом городе, в Соликамске много церквей, которые купцы строили, чтобы продемонстрировать другим купцам свое финансовое состояние. В советское время они были превращены в разные светские учреждения или, например, одна из них – в пивной завод. Кроме того, в городе проходили бои за власть «новых русских», что осложнялось также расположением одной из важнейших для криминальных структур тюрем в Соликамске – там был и до сих пор остается «Белый лебедь». Меня напрямую это все не касалось, но, скорее всего, каким-то образом повлияло. Сложно сказать. Одно для меня ясно: я помню эти события лучше, чем школьную рутину, о которой не могу сказать ничего особенного.

В какой вуз Вы поступили? Почему в Петербург, а не поближе к дому?

Все это стечение обстоятельств, устройство постсоветского общества, давление сетей – все это результат этих структурных условий. Кажется, было бы логично либо вообще не поступать в вуз, а поискать работу или рабочую специальность, либо поступать в университет в Перми, где предложение, безусловно, достаточно большое, и в то же время к дому, как Вы говорите, поближе. Но пространство физическое не совпадало с пространством социальным в моем случае. Родители не видели в Соликамске того места, где они хотели бы будущего своим детям. Но не в плане города как такового, а в плане перспектив на достойную оплату труда, престиж, статусы. Уехать из Соликамска само по себе означало сделать прорыв, повыситься в социальном плане. Я помню, как соседи и друзья обсуждали, кто и куда отправился учиться или работать, распределяя в строгой иерархии места назначения: этот в Пермь, этот в Москву, а этот вообще больших успехов добился – он теперь живет в Тель-Авиве. Другое обстоятельство – это наличие связи с Петербургом. Как ни странно, в Перми у моей семьи никого не было, ни знакомых, ни родственников. Я не помню ни одного дня, проведенного в Перми, в моем детстве. Зато мой двоюродный брат жил и работал в Петербурге. Он закончил «Корабелку» и устроился инженером еще в советское время в местное конструкторское бюро. Его дочь – моя ровесница. Мы часто бывали у них

и в 80-е, и в 90-е годы, возили оттуда продукты и одежду, которых недоставало в Соликамске, наслаждались городом, а он, как Вы знаете, достоин восхищения, его можно открывать для себя заново всякий раз, когда выходишь на улицу.

Так, оказалось, что в социальном плане, Петербург был для нас ближе Перми или каких-то любых других городов в России и за ее пределами. Логика постсоветского человека была простой: только наличие связей может обеспечить успех какого-либо предприятия, вот и мое поступление в вуз предполагало, что эти связи будут задействованы. Это касается непосредственно каких-то процедур поступления, выбора вуза, но также и более бранных вещей — таких как место проживания на период поступления и прочее, что для человека или семьи, не обладающих финансовыми ресурсами, очень важно и фактически, собственно, определяет вообще начинаем мы или не начинаем какой-то проект. Эти отношения чем-то похожи на описываемые популярным ныне автором Брюно Латуром сетевые связи: определяющим для действий являются струны, натянутые между людьми и имеющие характеристики, не позволяющие действовать иначе.

Поэтому среди вузов, в которые я поступал, были исключительно технические: «Корабелка», «Техноложка», «Политех» и «ЛЭТИ». Это университеты, которые в системе координат моего двоюродного брата и его жены, тоже инженера, считались правильным местом для обучения, где они имели какие-то дружеские отношения. В 2000 году считалось, что нельзя никуда поступить, если заранее не ходишь на подготовительные курсы. По большому счету, эти курсы — это форма стыда, как мне кажется теперь: преподаватели, способствующие поступлению, не готовы были брать деньги в качестве взятки, им было стыдно. Зато можно было устроить либо официальные подготовительные курсы, от которых финансово выигрывали большие группы людей в университете, либо индивидуальные курсы, которые скорее всего приносили доход только конкретному преподавателю. Все лето я был в Петербурге и посещал эти курсы, о которых сумела договориться жена моего двоюродного брата. К сожалению, не нашлось преподавателей математики и литературы — все же для них лето было горячим сезоном. Я немного занимался английским, поскольку преподаватель тоже в основном была занята, но сделала одолжение. И много — историей. Следует сказать, что в «Корабелке» я получил очень низкие баллы по математике, и это закрыло мне дорогу туда, чему я несказанно был рад.

В остальных вузах я делал относительные успехи, хотя конкурс был большой — более 10 человек на место. Тут уже не было математики, что также определяло успех, в ней я ничего не понимал. Я поступал на гуманитарные специальности в технические университеты, еще не понимая, к каким формам маргинализации это обязательно приведет в будущем. Более того, я поступал на специальность, о которой никто в моем окружении не имел никакого представления: связи с общественностью. Я до сих пор не до конца знаю, что это такое. В описании этой специальности меня привлекло одно — там было написано что-то об актерском мастерстве. Конечно, воображение сразу нарисовало передо мной сцену и залы благодарных зрителей, оvation и международное признание. Насколько я знаю, это не имеет никакого отношения к связям с общественностью, но разве воображение зависит от этих глупых ограничений! В общем, я в итоге прошел по конкурсу в «ЛЭТИ» на гуманитарный факультет, где и отучился пять лет. Статистика, методы анализа, социология, политология,

иностранные языки, французская литература — нас обучали всем самым общим гуманитарным предметам и не только. Даже если я и не постиг прелестей связей с общественностью, я по крайней мере что-то вынес оттуда по поводу Бориса Виана и Мишеля Фуко. Да и актерское мастерство оказалось весьма веселым предметом для изучения.

На момент все же вернемся к, по Вашим словам, «школьной рутине». Возможно, в те годы Вы интересовались литературой, думали о писательстве или журналистике, любили театр, кино?

Я рос ребенком телевидения и голливудского киношного ширпотреба. Театр вообще видел лишь изредка, когда мы ездили в Петербург. К сожалению, это чаще всего был Театр комедии, что не может развить никаких особых эстетических чувств. В детстве я воображал себя телеведущим, у меня был собственный телеканал, для которого я составлял программу, я постоянно выходил в эфир. Правда, зрителей у меня не было. Зато ко мне постоянно приезжали звезды — от Аллы Пугачевой до некоего Сергея Минаева, сегодня его вряд ли кто-нибудь вспомнит. Конечно, они не воплощались физически в моих телепроектах, но все же каким-то образом давали интервью и пели. Позже появился видеомагнитофон. Это уже в 90-х. Мы с друзьями разыгрывали на улице основные сюжеты просмотренных фильмов. Я сейчас даже не вспомню их названий — какой-то стандартный набор боевиков с брюс-уиллисами и арнольдами-шварценеггерами. Наиболее популярной игрой была инсценировка телесериала «Спрут» об итальянской мафии. Все это влияло и на внешкольную активность — я был основным массовиком-затейником в младших и старших классах, проводил какие-то конкурсы, КВНы и прочие шоу для одноклассников вместе со своими друзьями, Андреем и Антоном.

А вот литература пришла в мою жизнь значительно позже. В школьные годы я ограничивался официальной программой — и то в том лишь случае, если мне нравилось, о чем там написано. Родители пытались привить любовь к книгам, но все — безуспешно. Как и в каждой советской семье, у нас было огромное количество собраний сочинений, а также подшивки «Нового мира», «Иностранки» и других журналов. На меня они производят впечатление скорее теперь, когда приезжаю к родителям, чем тогда. В 10–11 классе я перешел в другую школу, это была гуманитарная гимназия. Там среда оказалась гораздо более плодотворной для развития литературного вкуса. Кроме того, я, наконец, начал получать пятерки по литературе, мои сочинения как-то особо отмечались учительницей, что подстегивало к литературному творчеству. Ну, а в полной мере книга стала для меня ценностью уже в университете. Теперь она полностью заменила собой телевидение и кино — я не смогу вспомнить, когда я последний раз видел любую телепрограмму, а кино смотрю разве что в кинотеатрах. Когда-то тогда, в школьные годы я также начал писать — конечно, большие, масштабные вещи: романы, трилогии. Но дальше десятой страницы никогда не продвинулся. Было бы любопытно сейчас взглянуть на эти тексты.

Теперь в Вашем движении на гуманитарный факультет «ЛЭТИ» видна логика, а не просто игра случая. В каком году Вы закончили ЛЭТИ и что дальше? Было распределение или сами искали работу?

После окончания университета, в 2005 году, я сразу собрался в аспирантуру, в том же «ЛЭТИ». Там была кафедра политологии и социологии, предметы которой мне казались наиболее близкими моим интересам. У них можно было написать и диссертацию, что я и намеревался сделать. Мы обсуждали тему — кажется, как-то связанную с выборами и политическими процессами в целом — с возможным руководителем, Еленой Витальевной Строговецкой. Я стал узнавать правила поступления в аспирантуру. Однако мне в то же время нужно было начинать работать, потому что поступления от родителей, которые помогали мне финансово на протяжении всего обучения, прекратились. Никакого распределения не существовало, каждый должен был искать работу сам на «открытом» рынке труда. Связи моего двоюродного брата не смогли мне помочь, потому что его профессиональное предложение уже полностью зависело от образования — оно должно было быть техническим, инженерным. Я пробовал найти что-то близкое специальности, связям с общественностью, а также детским мечтам — стажировался на местном НТВ. Но все мои попытки сулили только малооплачиваемые или неоплачиваемые вовсе длительные испытательные сроки, что мне совсем не подходило. Поэтому однажды, повстречавшись лицом к лицу с реальностью, я отправился на работу в магазин розничной торговли видео- и аудиопродукции. Меня определили в отдел «лицензионных» DVD — в то время в даже в крупных сетях можно было официально купить либо дешевую пиратскую подделку, либо то же самое, но в несколько раз дороже от обладателя прав. Работы было много — я находился по 12 часов в магазине, часто брал дополнительные смены, чтобы выходила более-менее приличная месячная зарплата. Так, 5–7 выходных дней в месяц получалось вполне приемлемым соотношением заработка и усталости. В этой торговой сети я проработал более полутора лет, вскоре уже в ее офисе, вплоть до отправки в армию. Диссертации здесь места не нашлось.

... нормально, жизнь испытывала Вас, представляла возможности для ее познания... по собственному опыту знаю, главное — как ими распорядиться... Что Вам дала армия, какой опыт?

Надо, наверное, рассказать еще немного о том, что было до армии, чтобы ответить на этот вопрос. Потому что армия, прежде всего, сделала очевидным то, что уже давно беспокоило. В общем, после окончания университета, как я уже говорил, мне пришлось работать в этом магазине DVD. Мы уже жили вместе с моим партнером, Женей, и у нас появилась кошка, Муся. Мы перемещались периодически из моей коммуналки в его, перетаскивая с собой и кошку. Это давало хоть какое-то ощущение движения, в то время как работа и досуг такого ощущения не давали — первая из-за присущей ей монотонности, а второй — за его отсутствием. Но обманывать себя дольше было бесполезно, поэтому в какой-то момент стало необходимо поменять все более кардинально, чем просто перемещаясь из коммуналки в коммуналку. Так, Женя уехал жить в Испанию и ждать меня там. А я пошел в военкомат за справкой, которую нужно было получить, чтобы подать заявление на загранпаспорт. Это запустило процесс, результатом которого и стала моя двухлетняя служба. Сначала меня попросили купить 500 конвертов, чтобы получить эту самую справку. Я сделал это и справку получил. Но из-за работы не успел вовремя подать документы и в конечном итоге ее действие прошло. Мне кажется, что тогда я еще не осознавал полностью весь тот

кризис, в котором находился. Я еще не понимал тогда, что работа в этом магазине, отсутствие каких-либо перспектив и дорога, ведущая по сути в никуда, — все это может означать конец всяческих детских мечтаний, моих отношений с Женей, прощание с любыми амбициозными планами. Именно армия дала мне четкое представление о том, что самые худшие ожидания материализуются и что необходимо действовать, чтобы сменить направление ветра.

Я опасался просить справку в военкомате во второй раз, но они уже сами позвонили мне на телефон и уведомили о том, что через две недели я должен быть на космодроме «Плесецк». Мои попытки решить как-то эту ситуацию не увенчались успехом — предлагались слишком высокие цены. «Солдатские матери» вообще не понимали моего беспокойства, поскольку решали проблемы солдат-срочников, а я отправлялся служить в качестве офицера — переживания по поводу службы относительно. В «ЛЭТИ» у нас была военно-морская кафедра. Как гуманитарии мы все закончили эти курсы и стали лейтенантами запаса ВМФ по воспитательной работе. Однако призвали меня не на море, а в Космические войска, и не на должность воспитателя, а инженером. Как Вы знаете, мои математические и технические знания далеки от совершенных. Тем не менее, меня определили в войсковую часть, которая занималась запуском настоящей ракеты в космос. Я не участвовал в пуске (который за два года службы все же произошел), и, следовательно, мои скудные знания негодились, но риск быть задействованным оставался. В общем, в марте 2007 года я стал лейтенантом Космических войск.

Почти сразу на космодромегодились другие мои навыки — работа в разных программах на компьютере, причем в основном достаточно простых: Power Point, Word, Photoshop. В итоге благодаря знакомым и хоть каким-то знаниям в области компьютерных программ, я быстро оказался в научно-исследовательском отделе штаба космодрома. Там я занимался версткой буклетов, слайдов, организацией конференций, написанием текстов и прочими делами, которые, в отличие от запуска ракет, были мне по силам. Мне также не приходилось ездить каждый день на поезде в отдаленную войсковую часть в лесу, как мне пришлось бы, если бы я остался на пусковой площадке, поскольку штаб находился в городе. У меня не было солдат-подчиненных, с которыми я познакомился в части и которые не вызывали никаких чувств, кроме жалости до слез: это были маленькие, запуганные люди в одежде на несколько размеров больше подходящей им. Я перебрался в отдельный номер в офицерской гостинице, избавившись от недоброго соседства другого странного офицера, вымогавшего деньги из этих самых солдат. Иными словами, мне удалось создать достаточно непроницаемый пузырь вокруг себя, чтобы наблюдать за происходящим со стороны, хотя оно порой все равно пробивало брешь. Я не хочу драматизировать ситуацию — в конце концов, я действительно не успел испытать всех «прелестей» службы. Но я все равно буду помнить, какие формы принимает власть в армии — это унижение, насилие, эксплуатация, а также в качестве ответа на них — отчаяние, самоубийства, алкоголизм. Мне удалось абстрагироваться, взглянуть на окружающую действительность со стороны, чтобы понять, что унижение и гнет — это свойство не только армейских отношений, но и почти всех тех, в которые я был вовлечен до армии. Просто армия делала их настолько очевидными, что они бросались в глаза. Это включает слабых и корыстных людей, занимающих высокие должности, обман,

бесчестие, безответственность, уродливые формы власти, а самое главное — полное отсутствие рационального смысла происходящего. Все страдание, которое люди, безусловно, испытывают, не имеет никакого эффекта, все брэнно, все не нужно. Вот именно этому научила меня армия — ценить страдание, сопротивляться гнету власти и власти безответственности, но она научила меня этому не благодаря, а вопреки.

Была одна история, которая к армии не относится, хотя и произошла на космодроме «Плесецк». Эта история в особенности произвела на меня впечатление, поэтому я хочу ее рассказать. Я познакомился там с человеком, который хотел жить вечно. Он служил на космодроме, как и я, после университета. Он считал, что вечную жизнь может обеспечить забота о своем здоровье: ответственное отношение к еде, занятия спортом, тренировка выносливости. Так, он был вегетарианцем, подсчитывал достаточное количество калорий в пище, употреблял только здоровую еду. Он не использовал химические средства для мытья — никакого мыла и прочего. Постоянно бегал, плавал. Он задерживал дыхание под водой в бассейне космодрома в попытках все больше и больше времени провести без воздуха. В какой-то момент он задержал дыхание настолько, что уже больше никогда не вышел на поверхность. Его смерть стала для меня метафорой службы в армии, хотя она и не связана напрямую с отношениями внутри офицерского коллектива. Или даже именно поэтому — там все вокруг заражается бесполезностью, бессмысленностью, отчаянием и безысходностью, даже не относящиеся к службе вещи. Как-только человек начинает реализовывать осмысленный план — в данном случае стремление к здоровой и долгой жизни — запускается механизм, который приведет к прямо противоположному результату — отравленной и короткой жизни. Он умер в первый месяц подписания пятилетнего контракта на продолжение службы после двух лет по призыву. А я к тому времени уже паковал чемоданы для поездки в Испанию, получив звание старшего лейтенанта и долгожданное увольнение.

История с Вашим сослуживцем по «Плесецку» — метафора, притча. Испания состоялась или сорвалась? Мне кажется, скорее второе, чем первое.

Уже во время службы я стал готовиться к отъезду. В Бильбао Женя снимал комнату в квартире со студентом из Международного института социологии права. Именно он посоветовал магистерскую программу по социологии, на которую я решил поступать. Используя свободное от службы время, я написал свою первую статью — это был обзор наказаний за гомосексуальные отношения на Руси и в России. Статья была написана и опубликована на английском языке в журнале этого Института. Кроме того, я подготовил документы для поступления, заявку на грант, чтобы как-то оплатить учебу там. Как гражданину страны категории «В» мне дали грант на частичное покрытие платы за обучение и проживание. Студентам из Африки и Латинской Америки покрывали все расходы полностью. Людям из постсоветских стран покрывали половину. А гражданам Евросоюза и США ничего вообще не давали. Мне кажется, это не очень справедливо, поскольку из Африки, например, с нами учились принцы или дочери министров, которые могли бы спокойно оплачивать обучение, а европейцы, наоборот, были из бедных семей. Тем не менее, правила были таковы. Мне,

в частности, пришлось работать, чтобы как-то обеспечить оплату второй половины обучения, кроме того, Женя помогал материально — он к тому времени уже интегрировался в существующий там рынок труда.

Так или иначе, как Вы понимаете, я поступил в Институт: к моменту освобождения из армии я уже был принят на эту магистерскую программу. Я вернулся с космодрома в марте 2009 года, а в сентябре уже начиналась учеба. У меня был билет в один конец Санкт-Петербург—Бильбао, которым я с удовольствием воспользовался! То есть армия научила меня тому, что нужно срочно действовать, чтобы никогда больше в ней не очутиться, не попасть в такую же или подобную ей структуру, иначе все кончено, как в трагической истории моего армейского друга. Думаю, что даже если бы я не поступил в этот институт, я все равно уехал бы, все равно сделал бы что-то, что могло бы вытащить меня из этого топкого болота. Правда, я бы тогда не стал, наверное, социологом, но в тот момент это было неважно. У меня началась новая жизнь, в которой уже не было места никаким магазинам DVD, армии и всему поджидающему за углом прочему. Напротив, в этой новой жизни были добрые и веселые люди, продуктивный интеллектуальный обмен, открытия, самореализация.

Рад тому, что ошибся в ожидании... на фоне Вашего рассказа об армии это все вообще смотрится Рождественской сказкой... Преподавание велось на испанском или английском? Сколько времени Вы там учились? Каким был Ваш major?

Это и была сказка! Само место делало происходящее фантастическим. Факультет, который организовывал обучение на программе, располагался в здании старинного средневекового университета в небольшой баскской деревушке на вершине горы, в Оньяти. Добраться туда было непросто, в самой деревушке почти ничего не происходило, поэтому окружающее как нельзя лучше способствовало учебе. Конечно, на выходные я уезжал в Бильбао или Доности, другой крупный город, находящийся неподалеку. И все же большую часть времени я проводил среди холмов и многовековых стен. Студенческим общежитием служил особняк XIX века с большим количеством общих комнат для учебы и досуга, камином, бильярдом. Здесь же проживал научный директор института, вместе со студентами.

Что касается учебной программы, то Международный институт социологии права — это уникальное учебное заведение. Он международный по многим причинам. Во-первых, все обучающиеся были из совершенно разных стран, со всего мира: Аргентина, Италия, Бангладеш, США, Индонезия, Бразилия, Канада, Польша, Чад и другие. Нас было всего 18 человек. Во-вторых, нам все преподавали исключительно на английском — многие просто не знали испанского, поэтому преподавание на нем было исключено. В-третьих, профессора также были из разных стран. Конечно, из-за языка это были люди в основном из Британии, Канады, США и Австралии. Но также Италии, Испании, Германии, Мексики. В общем совершенно международная команда. Директор приехал руководить из Манчестера. Мы не могли выбирать курсы, которые мы бы хотели прослушать. Дело в том, что преподаватели не находились с нами постоянно — они приезжали на две-три недели, читали свой курс и возвращались в свои университеты. То есть мы полностью погружались в изучаемый предмет на некоторое время интенсива, а затем писали финальное эссе к воскресенью и начинали новый курс в понедель-

ник. Главным предметом была социология права, но все курсы были авторскими, поэтому подход к социально-правовым исследованиям постоянно менялся — от профессора к профессору. Это позволило показать объем и фактуру предмета, многогранность методологии и теории. Кроме того, было несколько дисциплин более общего характера — по количественным и качественным методам, например, по социологическим теориям. Директор вел аспирантский семинар на протяжении всего периода.

В общей сложности я провел около года в Испании. Затем нужно было выйти в поле — осуществить собственное эмпирическое исследование и написать на его основе магистерскую диссертацию. Тут уже не нужно было присутствовать в Оньяти, даже, наоборот, предполагалось, что каждый поедет в собственную страну, чтобы исследовать свою тему, а затем прибудет на защиту, где в мантии и чапелле — традиционном баскском головном уборе — получит сертификат Института и официальный диплом легитимирующего программу Университета Страны Басков. Так оно и вышло. В 2010 я вернулся в Россию полный совершенно новых знаний и впечатлений. В Испании все было по-другому — не просто хорошо или плохо, а иначе. Но теперь и в России все было для меня иначе.

Иначе, это как? Ясно, что не в замке, не в особняке XIX века... Ведь в России Вы в тот момент не работали... какую тему для магистерской диссертации Вы нашли? Какие результаты были получены? Как проходила собственно защита?

Иначе — то есть у меня появилась конкретная цель, появился интерес, перспектива, из которой можно было смотреть на окружающее, я смог выстроить логичную картину происходящего, чего не было прежде, все стало приобретать какой-то смысл. Я теперь знал, что я делаю, чем занимаюсь, от чего зависят мои собственные суждения, как я могу рассматривать складывающиеся обстоятельства, из какой перспективы осмыслять их. Все это мне было раньше неизвестно и потому, пожалуй, вызывало какие-то фрустрации. А теперь — нет!

По возвращении я сразу стал искать работу в социологии. Так я очутился в Центре независимых социологических исследований, параллельно завершая работу над магистерской диссертацией. Она касалась правовых стратегий российских ЛГБТ-организаций. Я проводил анализ решений Конституционного суда, дискуссий вокруг гомосексуальности в Думе, документов активистов, а также составил опросник и попросил экспертов из этих организаций ответить на него. Для анализа всех этих материалов я применил достаточно простую, но инновационную собственную методологию дискурсивного анализа, которая позволяла не только вскрывать смыслы высказываний и суждений, но и отыскивать невысказанные суждения среди произнесенных — то, что спрятано между строк. Для этого анализировался концептуальный аппарат, которым пользовались активисты, то есть та терминология, что применяется ими на уровне здравого смысла или автоматически. Затем термины группировались по устанавливаемому в контексте смыслу. Так, выяснилось, что все существующие на тот момент организации можно разделить на два лагеря, каждый из которых идет к разным целям и разными средствами. Одни — готовы на радикальные меры отстаивания прав, хотя и в рамках существующих правовых институтов, другие — только на использование подспудных тактических методов переговоров в рамках политических институтов, лоббирование. Соответственно, первые ратуют за равенство

и включение гомосексуалов в число равных граждан на общих основаниях. Вторые — за включение в общество на условиях мнимого большинства, за толерантность. Только первые, согласно моим результатам, могут добиться социальных изменений, то есть, например, склонить власть сбросить завесу молчания с вопроса гомосексуальности и вступить в открытую дискуссию на этот счет. Однако эффектом такой дискуссии не обязательно будет какой-то положительный с точки зрения правозащиты результат, что, собственно, и продемонстрировано более поздним развитием событий: вопрос о гомосексуальности спустя несколько лет после моего исследования был поднят на самом высоком уровне и решен правительством в дискриминационном ключе.

Тем временем, я защитил диссертацию: мне были представлены критические комментарии рецензентов, на которые я отвечал, руководитель также направила рецензию — это была Розмари Хантер из Университета Кента, затем я получил вопросы от директора Института, Сола Пичотто. Мы с ним очень плохо ладили, ему не очень нравилась тема моего исследования и слишком сложный теоретический заход, но он на самом деле очень многому меня научил и повлиял на меня. В конечном итоге защита состоялась, а работа была отмечена высокой оценкой — *Magna cum laude*, я получил диплом магистра в 2011 году. Из этого текста позже получились публикации — сама диссертация была опубликована в Институте в Оньяти, поскольку они обязательно публиковали лучшие работы, а вторая — это переработанный текст для журнала *Canadian Journal of Law and Society*. Она вышла совсем недавно, поскольку редакторский цикл работы западных журналов сильно протяжен во времени, к тому же журнал поменял издателя и стал выходить под маркой *Cambridge University Press* как раз в то время, когда моя рукопись лежала у них. Иными словами, я долго ждал всего этого, зато приобрел опыт, который до сих пор мне помогает в профессиональной деятельности. Эти тексты заметили, что меня тоже всегда радовало. Короткие двадцать страниц — продукт долгого труда, в процессе которого ты не знаешь, к каким результатам придешь, что из открытого будет важно опубликовать и заинтересуется ли кто-то еще тем, что у тебя получилось. Однако я увидел, что люди прочитали статью, позитивно высказались на ее счет, делают на нее ссылки в своих работах. Значит, уже не зря работал. Если сами активисты тоже воспользуются результатом моего труда — может, возникнут еще более любопытные эффекты работы социального ученого.

В любом случае, социальные науки вообще, социология права в частности, с тех пор меня сильно увлекли. Кроме того, в Оньяти я познакомился с совершенно нетривиальными текстами, которые прежде мне не доводилось читать. Я, может быть, не вспомню сейчас авторов, но это и не важно. Важно то, что я увидел — можно создавать научные тексты, которые читатель будет с удовольствием прочитывать. То есть в них может найтись место закрученной драматургии, стилистической отточенности, игре воображения, разрушению языковых конвенций, метафоричности, чувственности — целому калейдоскопу тропов и приемов, каждый из которых служит цели наиболее точно сформулировать центральный аргумент в той форме, что поможет читателю вместе с автором добраться до убедительного доказательства тезиса к концу статьи или книги. Я привык к другой науке в России — к набору несвязанных между собой морализаторских суждений или сухому изложению высказываний, представляемых

в качестве «фактов». Оньяти познакомил меня с другим типом научной работы. Но я увидел, что есть место, где такая наука локализуется и в России. Так, ЦНСИ стал мой рабочим пространством.

Очень интересная система магистратуры, действительно, без major. Но какие-либо курсы считались базовыми, основными? По какой отрасли Ваша диссертация? И потом, Вы обучались год, а собственно диссертацию Вы обязаны были сделать за год или ограничения по времени нет? Были ли у Вас курсы по подготовке текстов, эссе? Например, когда я учился в колледже, «брал» “Academic Writing” и “Critical Writing”?

Дело в том, что абсолютно все курсы фокусировались на проблематике социологии права. Не важно, был ли это курс по количественным методам или по социальным теориям в общем и целом — каждый преподаватель уделял внимание месту осмысления именно социально-правовых вопросов в рамках своей темы. Влияет ли гендер судьи на принятые решения — можно узнать об этом, выстроив достаточно простые регрессии. Как мэтры социологии представляли себе место преступности в общей социальной структуре — можно сравнить подходы Дюркгейма и Парсонса по этому вопросу. И так далее. Однако и авторы курса всегда демонстрировали собственное отношение к материалу, а также представляли результаты собственных исследований проблем, схожих с разбираемыми на занятиях. Большая часть преподавателей относилась к тому, что завуалировано называется критическим подходом, а по сути является разными версиями современного марксизма. Так что я впитал, пожалуй, наиболее полно именно это. Судя по тем исследованиям, которые публикуются в самых любопытных международных журналах сегодня, именно ангажированные и неомарксистские работы набирают все больше сторонников, хотя, конечно, им противостоит большая масса достаточно безликих структурно-функционалистских исследований, публикуемых основными дисциплинарными журналами. Все же я рад, что мое образование было скорее сосредоточено на критических теориях.

Каждый курс заканчивался написанием письменной работы. После первого же опыта я понял, что академическая культура, которую мне довелось впитывать до тех пор, кардинальным образом отличается от требований Института. Я не знал, что академическое письмо предполагает достаточно строгую и конвенционально понятную многим другим структуру, всегда подразумевает соблюдение некоторых правил производства и представления текста. Получив первую низкую оценку за финальное эссе по курсу, я об этом узнал! Тем самым начался процесс научения академическому письму через практику — каждое новое эссе по каждому новому курсу давалось мне с большим успехом, я выучивал новые академические нормы и стандарты на своих ошибках. Более того, «западная» академическая культура царила и в классе: постоянные дискуссии, обсуждение прочитанных к занятию статей, горячие споры — обо всем этом мне пришлось узнавать на практике, постепенно включаться в такой тип работы.

То есть формально у нас не было никаких специально организованных курсов по академическому письму или каким-либо особым его жанрам, зато каждые две недели мы все должны были учиться этому самому письму на практике, а каждый день — воспринимать и прочие правила академической коммуникации. Где-то в начале второго семестра большая часть студентов, включая меня, также

участвовали в своей первой крупной конференции — Конгрессе социологов Страны Басков в Бильбао. Все это и было той школой, которая лучше всего работала в моем случае: бросаешь котенка в воду и ждешь, когда тот научится плавать. Единственным исключением были семинары научного директора Института, на которых он систематизировал получаемые на практике знания, включая умение писать и делать презентации, задавать вопросы на конференциях или участвовать в воркшопе. Но нельзя сказать, что эти семинары были частыми и безусловно полезными — к тому времени, когда они начались, мы все написали уже множество эссе, включились в сложнейшие теоретические дискуссии и даже попробовали себя в качестве преподавателей на одном из курсов, вовлекающем студентов в общую работу. Так что это было что-то вроде закрепления пройденного.

Важно сказать, что директор уделял особое внимание способам написания магистерских диссертаций. Он настаивал на определенных рамках, а также пытался помочь в содержательном плане. Однако эта часть его помощи для меня оказалась достаточно бесполезной, зато мы провели некоторое время в ожесточенных академических спорах, в которых к тому времени я поднаторел. За это я безмерно благодарен директору. Так или иначе, диссертация должна была быть защищена в любое время на протяжении последующих трех лет. Подавляющее большинство студентов защитили диссертацию еще в 2010 году, но были и те, кто защищались годом позже или вообще не смогли защититься. Затем начался более сложный процесс легализации работы в Университете Страны Басков, но он проходил фактически без участия с моей стороны и закончился в 2011 году, как и предполагалось. Формальным результатом процесса обучения является степень магистра по социологии права, то есть социология права и является основным предметом, major'ом, таким образом.

Саша, в США и ряде европейских стран магистерская степень, особенно от известных университетов, котируется достаточно высоко. Возможно, я ошибаюсь, когда я уехал из России, у нас движение к магистратуре лишь начиналось, никто не знал, что это за «зверь». Допускаю, что ситуация несколько изменилась в пользу этой степени, но все же, пока в России действует двухстадийная система степеней (кандидатская и докторская), магистерская степень будет недооценена. Предполагаете ли Вы защищать кандидатскую диссертацию или Ph.D.?

С недавних пор в России внедряется трехступенчатая «болонская» система степеней, которая, правда, обзавелась собственными особенностями на нашей почве, как, впрочем, и в других странах Европы. У нас уже отменен специалитет, зато внедрены бакалавриат и магистратура, какое-то странное по форме движение намечается в сторону Ph.D. При этом, насколько я понимаю, докторские степени не отменяются, а кандидатские претерпевают какие-то изменения. В данный момент я нахожусь на втором курсе аспирантуры СПбГУ и постигаю все прелести реформ на собственном опыте, как обычно (то ли реформ у нас слишком много, то ли мне досталось все их испытать на себе). Я надеюсь, что в результате мне удастся защитить обычную кандидатскую диссертацию, но точных данных на этот счет пока у меня нет.

Я в принципе с самого своего возвращения искал возможности аспирантуры и защиты кандидатской, но пришлось достаточно долго одновременно осуществлять и поиски новой темы. Вот, в 2013 году поступил в аспирантуру

на социологический факультет «Большого» университета. Мне, конечно, сравнивать не с чем, но, поговаривают, что система обучения в значительной степени изменилась. На факультете есть занятия по отвлеченным от кандидатских экзаменов темам, предусмотрены другие типы экзаменов, чего не было раньше. Так, последние несколько месяцев я постоянно сдаю какие-то экзамены и зачеты — сначала «переводные» на следующий курс, потом зачетные по широкому разнообразию предметов, наконец — кандидатские минимумы уже сдал все. Остается требование написать три статьи для журналов из списка ВАК — с этим тоже уже разделался почти, нужно лишь сделать правки для последней и вернуть в редакцию. Таким образом, это относительно новая для меня и достаточно необычная работа, в новом культурном академическом контексте, в новой институции, правила которой пока для меня малоизвестны, но постепенно постигаются. Надеюсь, что вместе с научением этим правилами удастся корректировать их, а не себя.

Когда-то я рассматривал и возможности защиты диссертации в других странах, но пока решил это отложить. Мне интересно, что сейчас происходит в России, у меня есть несколько важных для меня жизненных проектов здесь, тут же находятся близкие мне люди, которых я не готов оставить ради PhD. При этом я стараюсь оставаться, прежде всего, международным исследователем — постоянно посещать конференции за границей, семинары, публиковать статьи в иностранных журналах, поддерживать коммуникацию с партнерами в Европе, Латинской Америке, США. Собственно, если честно, мне несколько удобнее и понятнее присутствовать на мероприятиях, которые организованы по знакомым мне стандартам, часто ассоциируемым с западными, чем на локальных научных конференциях — нередко смысл последних остается достаточно туманным, а сам факт проведения конференции (если он вообще имеет место) является самоценным, в отличие от содержания. Это любопытно, похоже на своеобразный ритуал — конечно, далеко не каждая конференция в России такая, но многие.

Что касается именно моей магистерской степени, то она имеет значение в некоторых пространствах и абсолютно игнорируется в других. Это тоже очень любопытно. Скажем, в Центре независимых социологических исследований или даже на собеседовании в Европейском университете в Санкт-Петербурге я чувствовал, что эта степень воспринималась всерьез. В то же время, когда я работал в Институте внешнеэкономических связей, экономики и права или когда я поступал в СПбГУ, степень магистра иностранного вуза полностью игнорировалась — в таких пространствах я считаю себя без этой степени. Собственно, мне лично это не приносит какого-либо существенного дискомфорта, поскольку ценность степени — в содержании обучения, а не в ее формальном признании, однако само по себе интересно с исследовательской точки зрения.

С 2010 года Вы живете в Питере, срок — немалый. Какую тему или какие темы Вы ведете в Центре? Вы связываете с работой по этой теме (этим темам) свое исследовательское будущее, пусть не на очень длительную перспективу?

Я оказался в ЦНСИ в очень удачное время. Как раз к концу 2010 года там оформлялось исследовательское направление по социологии права — «Общество и право». Я пришелся кстати в этой группе. Мы начали достаточно рьяно работать с коллегами, в особенности с Леной Богдановой. Так как исследовательское

направление только формировалось (хотя работа в этой сфере велась в Центре и до его институционализации), мы, прежде всего, принялись писать заявки на исследовательские гранты, а также культивировать продуктивную научную среду. Как минимум одна из таких заявок, направленных прицельно на социально-правовые исследования, была поддержана: мы стали исследовать условия ведения бизнеса иностранцами в России. Были и другие проекты: например, применение Закона о статусе жертв политических репрессий после его реформы или анализ современного миграционного законодательства для петербургского Красного креста.

Кроме того, я включался в проекты коллег из других исследовательских групп. Первым из них был проект по исследованию расходов средств норвежской благотворительной организации в северных регионах России. Они выделяли средства на бесплатные горячие обеды в школах для детей из бедных семей и хотели выяснить, нужна ли этим детям такая помощь, или же государство их обеспечивает тем же самым, а, значит, поддержка из других стран является излишней. Бедность существует еще много в каких местах, поэтому они могли бы улучшить состояние других людей. Как и в случае с моим дипломом, бедным оказалось возможно быть в одних местах и трудоемко — в других. Дома у тебя нет ничего, твои дети не всегда питаются ежедневно, огородное хозяйство невозможно в условиях крайнего севера — ты очевидно беден. Зато в школе для получения горячего обеда в качестве бедного необходима справка, выдача которой осуществлялась в райцентре на несколько месяцев в обмен на набор других не менее замысловатых справок. Путешествие в райцентр для некоторых регионов означало длительный вертолетный перелет, необходимость останавливаться где-то, нести расходы. И все же без этой бумаги, бедным человек не считался и, следовательно, не получал никаких «льгот». Это было сложное исследование в смысле получения эмпирического материала, демонстрирующего какую-то жуткую безысходность в конкретных ее проявлениях.

Я продолжал свой основной проект — исследование гомосексуальности в современной России. Сначала получил на него небольшую стипендию от Фонда Белля благодаря Виктору Воронкову и Анне Темкиной, а затем уже работал на собственном энтузиазме. Последний (энтузиазм) в итоге был реализован в форме двух больших проектов, серии публикаций, курса по квир-теории, многочисленных выступлений и прочая. Это та работа, которая продолжает быть для меня центральной и, наверное, рано или поздно может быть каким-то образом профинансирована. Я собираю биографические интервью с людьми, считающими себя гомосексуалами. Затем к этим интервью задаются разные исследовательские вопросы, связанные с законом, правом, правами, гражданством. В этих историях меня заинтересовал Советский Союз, поскольку его артефакты оказались разбросаны по нарративам моих собеседников в изобилии. Все это и двигает мой исследовательский и человеческий задор.

Доход в основном поступал от других исследовательских проектов. В какой-то момент это стали почти исключительно проекты, связанные с миграционными процессами. Частично эти исследовательские проекты послужили основой для диссертации. Я стараюсь при этом выдерживать единую теоретическую и методологическую рамку, чтобы не изучать новую тему всякий раз, когда берусь за очередное исследование.

Много усилий также ушло на организацию разнообразных мероприятий в ЦНСИ. Группа «Общество и право» несколько лет подряд принимала гостей из разных стран с выступлениями по социально-правовой тематике. У нас побывали действительно важные фигуры в этой области исследований, а теперь я готовлю книгу с их текстами. Большинство из них были моими преподавателями или как-то иначе участвовали в жизни Международного института по социологии права, где я учился до этого. Так что для меня это был важный проект по поддержанию знакомств и связей в профессиональной области. Я вместе с другими коллегами, Женей Шторном, Аней Ветровой, Аллой Митрофановой, принимал участие в регулярных «Феминистских средах» – междисциплинарном семинаре в ЦНСИ. Мы вместе с ЛГБТ-организацией делали и крупную конференцию по квир-исследованиям в 2013 году. Я организовывал школы – в общем много всего делалось за все это время.

Как видите, работа велась очень разнообразная и по темам, и по характеру. Однако, мне кажется, все постепенно приходит в какую-то непротиворечивую, логичную форму, чему я бесконечно рад.

В краткой справке о Вас на сайте ЦНСИ отмечено, что Вы являетесь ассистентом профессора в Европейском университете в Санкт-Петербурге и заместителем главного редактора «Журнала исследований социальной политики». Обе позиции весьма престижные и ответственные. Эта информация дает основания по крайней мере для двух вопросов.

Во-первых, в России теперь есть должность ассистента профессора, чему она соответствует в старой номенклатуре: «старший преподаватель», «доцент»? Какие курсы Вы ведете?

В 2013 году я уволился из Института внешнеэкономических связей, экономики и права, где работал на полставки в администрации. Эта работа мне не очень нравилась, потому что среда и круг задач были мне чужды. Однако я там несколько лет проработал, что позволяло сводить концы с концами в промежутки между проектами. В ЦНСИ у меня всегда была проектная работа – отсюда и большое разнообразие тем исследований, но и непостоянство занятости. В то же время в Европейском университете объявили вакансию на должность ассистента конкретного профессора, Михаила Соколова. Я знал о работе, которую он делал, поскольку что-то читал из его статей и поскольку участвовал в школе, организованной партнером ЕУСПб, Центром культурных исследований пост-социализма, который курировал Соколов. Круг задач ассистента был описан достаточно конкретно, с одной стороны, и достаточно широко, с другой. Это была преподавательская позиция, но также связанная с административной работой, которую выполнял конкретный профессор. Собеседование я проходил в несколько этапов, посылал статьи и документы, приходил лично, отвечал на какие-то дополнительные вопросы. Я так понимаю, что конкурс был достаточно большой, поэтому принятие решения заняло не один месяц. Но в конечном итоге я очутился в Европейском университете. Сначала я реально ассистировал Михаилу на занятиях – по истории социологии. То есть я там присутствовал, вел занятия в отсутствие самого Михаила, редактировал силлабусы, составлял УМК, копировал тексты к занятиям, читал эссе студентов и ставил оценки совместно с основным автором курса. Мне кажется, этот круг задач вообще не

соответствует ничему в старой номенклатуре, а больше похоже на research assistant в университетах США. В следующем семестре у меня появился свой курс, это был факультативный курс по современным теориям, «Квир-теория». Несмотря на его факультативный характер, собралась очень деятельная группа студентов, которые реально включились в работу и сделали очень хорошие мини-исследования в результате. Это уже несколько больше может походить на труд старшего преподавателя в старой номенклатуре, пожалуй. Параллельно я включался в административную работу по проекту Михаила — координация партнерской работы с другими вузами в России, среди которых наиболее важными для нашей программы были Томский, Пермский и Казанский университеты, где трудятся выпускники ЕУСПб. То есть в данный момент круг моих обязанностей распространяется и на преподавание, и на администрацию проекта, что опять же, как мне кажется, несколько размывает аналогии с любыми привычными университетскими позициями в России, но напоминает некоторые тенденции в характере труда в американских университетах. Я не думаю, что ассистент профессора — это какая-то позиция, похожая на другие преподавательские должности в России, но это нечто новое, которое постепенно само находит себя в процессе проявления. Видимо, одну из ключевых ролей здесь играют нестандартные, современные вузы, такие как ЕУСПб. Мне выпала возможность эту позицию в какой-то степени создавать совместными усилиями с другими ассистентами и другими профессорами, каждый из которых видит в своем ассистенте что-то свое. Так что это, как выходит, пластичная позиция, определяющаяся по ходу работы, в чем и состоит ее преимущество как для работодателя, так и для работника.

Должность заместителя главного редактора «Журнала исследований социальной политики» Вы заняли недавно. Уже определился круг Ваших дел?

Да, недавно. Сначала я готовил специальный выпуск журнала по связи между социальной политикой и коллективными действиями граждан по ее определению. Выпуск получился насыщенный и очень, как мне кажется, хороший. В нем были работы исследователей из разных дисциплин и разных стран — действительно серьезная география. Затем Елена Ростиславовна пригласила поработать вместе на более постоянной основе. Конечно, утрату П. В. Романова я не смогу восполнить своим присутствием в полной мере. Тем не менее, мы делаем вместе много работы. Я постоянно ищу новых авторов, стараюсь привлечь к публикациям иностранных ученых, российских исследователей, поддерживать исключительно высокий уровень работ, публикуемых в журнале. Затем, я вместе с Еленой Ярской-Смирновой редактирую тексты, а это большая работа, поскольку каждую рукопись нужно внимательно читать много раз, делать комментарии, которые помогут авторам лучше и понятнее сформулировать их мысли, соблюдая при этом жанровые конвенции научного текста, но не забывая и о литературной стилистике статей, поскольку читателям важно не только узнать что-то новое, но и получить удовольствие от чтения или хотя бы не заскучать. Большая часть работы в редакции — это поиск и коммуникация с рецензентами статей. Все рукописи проходят обязательное слепое рецензирование, то есть профессиональное научное сообщество имеет возможность оценить текст еще до его выхода, чтобы снизить потоки низкокачественных публикаций и указать авторам на возможные недочеты, а редакции — помочь сделать правильный

выбор, ведь редакторы не могут знать абсолютно всё. Иными словами, здесь множество направлений работы, которые актуализируются периодически, к каждому номеру.

Спасибо, Саша. Долгого и успешного Вам пути по жизни и в социологии.